

НЕКРОЛОГИ.

I.

Памяти Софьи Мартыновны Смирновой.

10 февраля сего 1916 года въ Сергіевскомъ посадѣ скончалась на 86 году жизни Софія Мартыновна Смирнова.

Въ ея лицѣ, какъ вдовы профессора, а впослѣдствіи и ректора Московской Духовной Академіи, С. К. Смирнова, сошелъ въ могилу живой осколокъ старины, преданіе старой Академіи, съ которой она была связана крѣпкими и тѣсными узами. Софія Мартыновна была дочерью протоіерея М. Л. Ловцова ¹⁾, бывшаго бакалавромъ М. Д. Академіи по кафедрѣ еврейскаго языка съ 1822 по 1827 гг.; ему принадлежитъ переводъ части Второзаконія на русскій языкъ. ²⁾ Не только сама С. М. была замужемъ за профессоромъ Академіи, но и ея сестры—Марія Мартыновна—была женою бакалавра Академіи, впослѣдствіи московскаго протоіерея Ипполита Мих. Богословскаго-Платонова (сконч. въ 1870 г.), и Анна Мартыновна—была замужемъ за бакалавромъ Академіи Д. Г. Рогаль-Левитскимъ (сконч. въ 1856 г.).

Софія Мартыновна родилась 23 іюля 1830 года. Образованіе получила она въ московскомъ Екатерининскомъ институтѣ, гдѣ ея отецъ въ то время состоялъ законоучителемъ. Воспитаніе въ закрытомъ аристократическомъ институтѣ положило отпечатокъ на всю жизнь С. М.—до конца дней сво-

¹⁾ Фамилію свою прот. Ловцовъ получилъ отъ села Ловцы, Рязанской губ., откуда былъ родомъ; его родной братъ Алексѣй Л., извѣстный зоологъ и профессоръ Московскаго Университета первой четверти XIX в. носилъ фамилію *Ловецкій*.

²⁾ *Смирновъ К. С.*,—Ист. М. Д. Академіи, стр. 115, а также 195 и 403.

ихъ она не приобрѣла практичности, не научилась обращаться съ деньгами, и т. д., и умерла во многихъ отношеніяхъ такой же институткой, какой была въ юности. И въ то же время пребываніе въ институтѣ составляло въ ея воспоминаніяхъ самую любимую, самую дорогую и милую для нея эпоху жизни: подъ бременемъ лѣтъ ослабѣла память, она многое позабыла, но Институтъ помнила до конца. Конечно, жизнь институтокъ 40-хъ годовъ для современности во многихъ отношеніяхъ кажется уже легендой, но для С. М. это было живымъ фактомъ. Часто вспоминала она пріѣзды въ Институтъ Императора Николая I, то одного, то съ Императрицей Александрой Феодоровной; случалось имъ бывать и на институтскихъ обѣдахъ, при чемъ, отправляясь въ столовую, Императоръ шутя становился въ одну шеренгу съ институтками, рядомъ съ самой маленькой; а таковой оказывалась одно время Софія Мартыновна, вспоминая съ умиленіемъ контрастъ своего маленькаго роста и огромной фигуры Императора Николая I. Во время обѣда институтки собирали корочки хлѣба, оставшіяся послѣ царственныхъ гостей, и берегли эти корочки, какъ реликвіи. Часто вспоминала С. М. свою любимую классную даму—Екатерину Петровну Побѣдоносцеву, старшую сестру знаменитаго К. П. Побѣдоносцева; съ Екатериной Петровной ее связывала долгая дружба, выражавшаяся въ частой перепискѣ, даже уже много лѣтъ спустя послѣ замужества Софіи Мартыновны. Съ Побѣдоносцевыми вообще Софія Мартыновна была хорошо знакома, и съ Константиномъ Петровичемъ, ея сверстникомъ, когда онъ былъ еще подросткомъ; впоследствии и ея мужъ, С. К. Смирновъ, переписывался на дѣловой почвѣ съ К. П. Побѣдоносцевымъ ¹⁾, а также и съ братомъ К. П.—Дмитріемъ Петровичемъ. Изъ институтскихъ подругъ С. М. дружила особенно съ Софіей Лескенъ, впоследствии игуменьей Рождественскаго и затѣмъ Вознесенскаго монастырей въ Москвѣ—Серафимой, потомъ съ Е. Опариной, кн. Урусовой, Мережковской, которая, хотя и обучалась въ другомъ институтѣ, но была близка съ Софіей Мартыновной, и поддерживала дружескія отношенія съ ней и всѣмъ ея семействомъ много

¹⁾ Переписка напечат. въ сборникѣ „У Троицы въ Академіи“, стр. 627—635.

лѣтъ спустя, будучи игуменьей Хотьковскаго монастыря съ именемъ Варсонофіи. С. М. свято сохраняло пожелтѣвшіе листки писемъ своихъ институтскихъ подругъ, по большей части на французскомъ языкѣ, а также и переписку свою съ будущимъ мужемъ — С. К. Смирновымъ, и любила по многу разъ перечитывать въ старости эти письма, находя, что въ старину гораздо нѣжнѣе и чувствительнѣе писали, нежели теперь. Въ 1846 году С. М. блестяще окончила Институтъ, причемъ ей былъ пожалованъ за отличные успѣхи золотой браслетъ съ именемъ Императрицы; на внутренней сторонѣ его сдѣлана надпись: „1 Января 1846 г. Александра“.

Въ 1847 году Софія Мартыновна вышла замужъ и переселилась къ Троицѣ; съ этихъ поръ она прочно вошла въ академическую семью.

Послѣ Института и нѣкоторой матеріальной обезпеченности (напр., въ сохранившейся описи ея приданаго значится 23 платья) С. М. сразу же, выйдя замужъ, столкнулась съ самыми неблагоприятными условіями жизни: бакалавръ Академіи получалъ жалованья въ то время 357 руб. въ годъ, и лишь съ 1859 года этотъ мизерный окладъ былъ увеличенъ до 429 руб., а между тѣмъ семья увеличивалась, росли и потребности. Правда, жизнь тогда была неизмѣримо дешевле, но все же средствъ не хватало, и выручала только постоянная и напряженная литературная работа С. К-ча. Софію Мартыновну мало подготовили къ подобнымъ испытаніямъ и воспитаніе, и предшествующая жизнь, но она такъ или иначе къ нимъ приспособилась: вѣчно занятая шитьемъ или починкой, она въ то же время переписывала статьи и другія работы своего мужа, принимала многочисленныхъ гостей, но все же семья никогда не выходила изъ хронической, плохо прикрываемой, нужды. Всякая личная жизнь, поэтому, должна была отступить на второй планъ, на первомъ была семья. И долготѣтніе труды и лишения не пропали даромъ: всѣ встали на ноги, всѣ устроились, такъ или иначе.

Въ тѣ времена немногіе изъ бакалавровъ Академіи выжили долго въ этомъ званіи: нужда изгоняла ихъ изъ Троицы и заставляла уходить въ Москву священниками на приходы. Такая судьба постигла больше половины бакалавровъ Академіи въ 30—60-хъ годахъ, и нужно было не ма-

лое терпѣніе для того, чтобы удержаться въ Академіи. С. К. Смирновъ, хотя и дѣлалъ попытки перейти на службу въ Москву (въ Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ, позже въ Консисторію), но все же уцѣлѣлъ въ Академіи и, сдѣлавшись профессоромъ, обзавелся въ концѣ 60-хъ годовъ своимъ домомъ на Вишнякѣ (нынѣ Зайцева); этотъ домъ тогда былъ на самой крайнѣй города, и кругомъ была такая глушь, что зимою волки не разъ таскали собакъ со двора. Вообще, Посадъ тѣхъ временъ былъ такъ малъ и первобытенъ, что не имѣлъ ни мостовыхъ, ни освѣщенія, ни даже извозчиковъ: до проведенія желѣзной дороги на весь Посадъ былъ чуть ли ни одинъ извозчикъ. На улицахъ часто, особенно осенью, бывала такая грязь, что не было возможности пройти иначе, какъ въ высокихъ сапогахъ; поэтому, напр., отправляясь вечеромъ въ гости, дамы надѣвали сапоги, а парадную обувь несли съ собой, и притомъ освѣщали путь ручными фонарями. Сообщение съ Москвой происходило на лошадахъ; зимой ѣздили въ особыхъ крытыхъ возкахъ, причемъ переѣздъ занималъ весь день. Въ виду этого, поѣздка въ Москву была дѣлымъ предпріятіемъ, на которое рѣшались не часто, такъ что супруги Смирновы, оба москвичи, чувствовали себя первое время отдаленными отъ Москвы и своихъ московскихъ друзей и родныхъ. Но за то тогдашніе посадскіе и академическіе жители были чрезвычайно радушны и хлѣбосольны, часто собирались другъ у друга, и скоро среди профессорскихъ домовъ видное мѣсто занялъ домъ Смирновыхъ.

У нихъ часто собиралось академическое общество, начиная съ старшихъ—Ф. А. Голубинскаго, П. С. Делицына, А. В. Горскаго, съ которымъ особенно близки были Смирновы и который не разъ крестилъ у нихъ дѣтей,—и кончая молодыми бакалаврами, танцовавшими безконечныя кадрили и польки. Часто пѣли хоромъ, и въ этомъ пѣніи принимали дѣятельное участіе Е. В. Амфитеатовъ, Ф. А. Сергіевскій, самъ хозяинъ, даже В. Д. Кудрявцевъ, несмотря на слабость голоса. За фортепіано неизмѣнно сидѣла Софія Мартыновна, ей же приходилось играть и всѣ кадрили.

При болѣе чѣмъ скромныхъ достаткахъ домохозяевъ, конечно, было чрезвычайно трудной и неблагодарной задачей жить такъ открыто, однако все какъ-нибудь обходилось.

Помимо академических сотоварищей, супруги Смирновы имѣли честь принимать въ своемъ домѣ цѣлый рядъ выдающихся дѣятелей церкви и науки: напр., Митрополита Московскаго Макарія (Булгакова), который, какъ историкъ русской церкви, поддерживалъ постоянныя отношенія съ С. К. и иногда получалъ отъ послѣдняго документы, попадавшіе послѣднему при его поискахъ въ Лаврѣ и Академіи; затѣмъ—Савву (Тихомірова), архіепископа тверского, многолѣтъ бывшаго въ дружбѣ съ семействомъ Смирновыхъ; далѣе—цѣлый рядъ епископовъ и лицъ священнаго сана не только русской, но и восточныхъ церквей. Случалось бывать лично и свѣтскимъ ученымъ, съ большинствомъ которыхъ С. К. поддерживалъ переписку,—напр. М. Н. Погодину, С. М. Соловьеву, ак. А. Бычкову, ак. М. Сухомлинову, и многимъ другимъ; бывалъ и Вл. С. Соловьевъ.

Шли года, одинъ за другимъ сходили со сцены старшіе, нарождались новые люди, выросли и собственныя дѣти—пошли свадьбы и крестины. Всѣ семь дочерей вышли замужъ, женился и единственный сынъ, и Софіи Мартыновнѣ все чаще и чаще приходилось выступать въ роли бабушки. За годъ до смерти С. К. сдѣлался и пра-дѣдушкой, но С. М. было суждено рѣдкое счастье—увидѣть своихъ даже праправнуковъ, такъ какъ она пережила своего мужа на 27 лѣтъ.

Овдовѣвъ 16 февр. 1889 года, С. М. вскорѣ продала свой домъ и переѣхала въ нижній этажъ дома своей дочери, В. С. Каптеревой, и здѣсь прожила еще 20 лѣтъ, здѣсь и скончалась. Сохранивъ до глубокой старости хорошее зрѣніе, С. М. съ любовью занималась рукодѣльемъ, къ чему она всегда питала склонность: шила пелены для церквей, вязала особые оргинальные ковры изъ доскутковъ, и т. д. Еще когда созидался академическій храмъ, А. В. Горскій обратился къ академическимъ дамамъ съ просьбой—изготовить воздухи для новой церкви. На призывъ первой откликнулась С. М., и воздухи ея работы цѣлы и доселѣ въ академическомъ храмѣ.

И будучи уже одинокой, С. М. не нарушила добрыхъ своихъ традицій: ея квартира была по прежнему открыта для всѣхъ родственниковъ и знакомыхъ: всѣхъ она принимала съ неизмѣннымъ радушіемъ и лаской, нѣкоторымъ и по-